

Авеста Висперад

*перевод
А.Г.Виноградова*

Алексей Германович Виноградов

Авеста Висперад.

Перевод А.Г. Виноградова

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67989003
ISBN 9785005692726

Аннотация

«Висперад», часть Авесты – «Книга владык». Сборник ритуалов Ясны. Имя «Висперад» является сокращением от авестийского «Виспе ратово», что переводится «всем вождям». «Висперад» исполняется в «Хаван Гах» – между восходом солнца и полуднем – в шесть дней гахамбара. Церемония «Висперада» состоит из ритуалов «Ясны», практически без изменений, но с литургия продлена на двадцать три дополнительных раздела. Эти дополнительные разделы («Кардаг») – отрывки, составляющие собрание «Висперада».

Содержание

Вступление	5
Л. Х. Миллс. Введение к английскому изданию	7
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Авеста Висперад

Перевод А.Г. Виноградова

Переводчик Алексей Германович Виноградов

© Алексей Германович Виноградов, перевод, 2023

ISBN 978-5-0056-9272-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вступление

«Висперад», часть Авесты – «Книга владык». Сборник ритуалов Ясны. Имя «Висперад» является сокращением от авестийского «Виспе ратово», что переводится «всем вождям».

В зависимости от перевода разделов может быть 23 (L. H. Mills 1887, 1898) или 24 (Karl F. Geldner 1896).

Церемония церемония «Висперада» посвящена Ахура Мазде, «Владыке высшему» (ратум березем).

Сборник «Висперада» не читается отдельно от «Ясны». Во время чтения церемонии «Висперада» разделы «Висперада» не читаются целиком, а чередуются с чтением «Ясны». Сам «Висперад» перевозносит несколько текстов из «Ясны» (Ахуна Вайрия, Айрьяман ишья, Гаты, Ясна Хаптангаити). «Ясна Хаптангаити» читается второй раз между 4-й и 5-й «Гатой» (первый раз между 1-й и 2-й). Это второе чтение исполняется помощником священника (распи) и часто бывает медленнее и мелодичнее. В отличие от барсомной связки обычной «Ясны», имеющей 21 стебель (тае), у «Висперада» 35 стеблей.

«Висперад» исполняется в «Хаван Гах» – между восходом солнца и полуднем – в шесть дней гахамбара.

Церемония «Висперада» состоит из ритуалов «Ясны»,

практически без изменений, но с литургия продлена на двадцать три дополнительных раздела. Эти дополнительные разделы («Кардаг») – отрывки, составляющие собрание «Висперада».

Было высказано предположение, что церемония «Висператов» возникла между 3 и 7 веками. Поскольку маловероятно, что тексты Висперада были действительно составлены в такой поздний срок, тогда они должны быть отрывками из других текстов, которые, однако, были утеряны.

О сложностях перевода как «Виспарада», так и всего текста «Авесты» лучше всего говорит передисловие Л. Х. Милса к английскому переводу. Русский перевод отнюдь не проще. Русский текст дан по тексту Л.Х.Милса, который отличается от опубликованного К. Ф. Гелднером, не только количеством глав, в нем, например, отсутствуют имеющиеся в главах 12, 14, 15, 17, 21, 22 издания К. Ф. Гельднера, молитвы Ятха аху ваирё и Ашем воху. Они приведены в имеющемся авестийском тексте.

Л. Х. Миллс. Введение к английскому изданию

Это часть «Авесты», включает литургический материал. Большой интерес представляют некоторые из древнейших формулировок дуализма, которые позже стали основной концепцией других ближневосточных религий. Более того, тексты в этой части «Авесты» не так уж далеки от индуизма ведической эпохи и как таковые представляют собой связующее звено между более поздними великими восточными и западными религиями.

Многие читатели, для которых «Авеста» представляет лишь побочный интерес, могут не понять, почему требуются какие-либо вводные замечания к ее частям... Но «Гаты» имеют такую природу и так сильно отличаются от других частей «Авесты», что некоторые слова для отдельного обсуждения кажутся совершенно необходимыми.

«Авеста», хотя и ясно изложена в том, что касается требований сравнительного богословия, тем не менее, представляет настолько большие трудности в мельчайших подробностях, что до сих пор ни один из двух независимых ученых не может полностью прийти к единому мнению относительно их решения, и могут расходиться во мнениях, ино-

гда по вопросам нетривиальной важности. Предварительные исследования, необходимые для формирования окончательных мнений, столь разнообразны и таковы по своему характеру, что они включают в себя изучение материи, еще совершенно не обработанной с какой-либо научной точностью ни в Индии, ни в Европе, что ни один человек не может претендовать на то, что удовлетворил себя этими исследованиями. Таким образом, ученые вынуждены исходить из того, что они преимущественно иранисты или преимущественно ведисты, и поэтому с самого начала были уверены, что они должны в известной степени отличаться друг от друга, а в известной степени также и от истины. Кроме того, как можно было бы понять без всяких утверждений, с полным знанием того факта, что я был склонен придавать особое значение сравнению с «Ведой» и что я изменил свидетельство традиции несколько больше, чем он, профессор Дарместер убедил меня принять это задание. Но хотя я вынужден кое-что сказать в качестве подготовительного трактата, чувство закономерности побуждает меня быть как можно более кратким, и поэтому я должен просить снисхождения у читателя, если мой способ выражения мне покажется слишком грубым или резким. Что касается подробностей «Гат», то в кратком изложении и примечаниях было сказано достаточно. Из этих изображений, обязательно несколько разрозненных, следует, что они состоят из семнадцати разделов поэтического материала, равных примерно двадцати пяти-тридцати

ти гимнам «Ригведы», составленным в древнеарийских размерах, приписывающим высшую (благотворную) силу Боже-
ству Ахура Мазда, которому все же противостоит злое Боже-
ство по имени Ака Манах, или Ангра Майнью. Во всех от-
ношениях, за исключением того, что Он не является Созда-
телем злого Божества и не обладает силой уничтожить его
или его царство, Ахура Мазда является одним из самых чи-
стых представлений, которые когда-либо были созданы. Он
имеет шесть персонифицированных атрибутов (так можно
сказать), позже, не в «Гатах», описанных как Архангелы, то-
гда как в «Гатах» они являются одновременно абстрактны-
ми атрибутами Бога или верных приверженцев Бога на зем-
ле, и в то же время, когда о них думают как о личностях,
все попытки отделить случаи, в которых о них говорят как
о простых наклонностях божественного или святого разума,
от тех, в которых о них говорят как о личных существах,
оказались напрасными. Таким образом, мы имеем глубокую
схему, возможно, не придуманную сознательно, но являю-
щуюся результатом векового развития; и эта система есть
единство Бога в Его верных творениях. Это не так называ-
емый политеизм, поскольку Ахура образует со своими Бес-
смертными Гептаду, напоминающую одну из Сабеллианской
Троицы. Это не пантеизм, ибо он особенно окружен владе-
ниями злого Божества. Его можно было бы назвать, если
мы расширим указания, агиотеизмом, изображением Бога
в святом творении. За пределами Гептады находится «Сра-

оша», олицетворение Повиновения (и, возможно, Вайю, как однажды упоминалось); и, как эмблема благочестивых, является душа коровы, а Огонь – поэтически персонифицированным символом божественной чистоты и силы. В противоположность доброму Богу мы имеем Злой Разум, или Злой (?) Дух, еще не наделенный в полной мере персонифицированными атрибутами, чтобы соответствовать Благим Бессмертным. Однако у него есть слуга «Аешма», олицетворение вторжения и грабежа, главного бича зороастрийцев; и злой ангел, «Друг», олицетворял обман, в то время как «Даевы» (дэвы) их более южных соседей (некоторые из племен которых остались в качестве рабских каст среди заратуштрийцев) составляют, возможно, общих представителей Ака Манаха, Аешмы, Друга и т. д. Два первоначальных духа соединяются в сотворении Добра и Зла в существовании как в действительности в настоящем, так и в принципах, которые имеют свое следствие в будущем в наградах и наказаниях.

Важность этого вероучения, сформулированного до сих пор, как дуалистического творения и как попытки решения сложнейшей проблемы, должна быть очевидна для каждого просвещенного глаза. Если бы существовал верховный Бог, сила которого могла бы отменить самые законы жизни, не было бы никакого зла; но доктрина отрицает существование такого существа. Добро и зло в существовании ограничивают друг друга. Не может быть счастья, не определяемого печалью, и не может быть добра, которое не сопро-

тивлялось бы греху. Соответственно злое начало признается столь необходимым, что оно представлено злым Богом. Однако самое имя его есть мысль или страсть; в то время как доброе Божество не несет ответственности за преобладающее зло и горе. Сама его сила не могла предотвратить их появление. И Он один имеет особенно объективное имя, и такое, которое можно было бы применить только к человеку. Эти предположения, истинные они или ложные, безусловно, являются одними из самых серьезных, которые когда-либо высказывались, и мы находим их здесь изначально.

Что же касается природы религиозных поощрений и наказаний, то у нас есть предположения, не менее важные с точки зрения научной теологии и, по сути дела, гораздо более широко распространенные. Сказать, что будущие награды, содержащиеся в «Гатах», были в значительной степени, если не главным образом, духовными и заключались в самом человеке, было бы почти оскорблением истины. Истина состоит в том, что ментальные рай и ад, с которыми мы теперь знакомы как с единственными будущими состояниями, признаваемыми разумными людьми, и мысли, которые, несмотря на их знакомость, никогда не могут потерять своего значения, не только используются и выражаются в «Гатах», но выражены там, насколько нам известно, впервые. В то время как человечество было предано ребяческим ужасам будущего, полного ужасов, обрушившихся на него извне, ранний иранский мудрец провозгласил вечную истину, что награды

Небес и наказания Ада могут быть получены только изнутри. Мы можем справедливо сказать, что через системы, на которые он оказал влияние, он дал нам великое учение о субъективном воздаянии, которое должно произвести существенное изменение в умственных привычках каждого, кто его получает. После сотворения душ и установления законов, которые должны ими управлять, Арамаити дает тело, и люди и ангелы начинают свой путь. Матра вдохновлен для руководства благожелательных. Верующие изучают обеты святой системы под учением Бессмертных, в то время как неверная и отверженная часть человечества принимает соблазны Худшего Разума и объединяется с Даевами, как в смертном грехе войны из-за бессмысленной жестокости или из-за нечестного приобретения. Последствия этого последнего союза вскоре очевидны. Корова (Кине), как представитель святого народа, сетует на невзгоды, которые делают иранскую жизнь тяжелым бременем. Попыткам зарабатывать на жизнь честным трудом противостоят, но не сводятся на нет, племена, поклоняющиеся даевам, которые все еще борются с заратустрийцами за контроль над территорией. Таким образом, Корова (Кине) поднимает мольбу Ахуре и Его Праведному Порядку Аше, которые отвечают назначением Заратустры как человека, которому доверено ее искупление; и он, приняв свое поручение, начинает свои пророческие труды. Отсюда следует ряд причитаний, молитв, восхвалений и увещаний, обращенных Заратустрой и его ближайшими сподвиж-

никами к Ахуре и народу, в которых подробно обрисовываются общественные и личные скорби, произносятся отдельные мольбы и благодарения, увещевают массы собираться на собраниях. Здесь следует отметить, что население, среди которого слагались эти гимны, было главным образом земледельцами и скотоводами. Обстоятельства, которые затрагивали их интересы как таковые, конечно, имели для них первостепенное значение, а поскольку их земля и скот представляли собой их самое ценное имущество, то чего бы им ни угрожало, этого следовало бояться больше всего. Соответственно, грабежи и набеги, исходившие от туранцев или поклонников даэвов, считались самыми ужасными. Но особенно следует отметить нравственную серьезность в их решимости избегать грабежа с их стороны, даже когда они искушаются желанием возмездия, и их враждебность в этом отношении была исключительной. (Они безоговорочно молятся против Аешмы. Они могут практиковать опустошительные разрушения во время войны; но набег, как и во времена номинального мира, кажется, был им чужд). В то время как вышеприведенные факты объясняют нам, с одной стороны, главных божеств и особые надежды и страхи, которые вдохновляли их поклонение, они также, с другой стороны, заставляют нас удивляться, тем больше, чем столь изощренная теология, как найденная в документах, должна была возникнуть среди такого простого сообщества. В ходе чтений у нас также есть особые намеки на организованную борьбу партии дае-

вов за сокрушение заратустрийцев. Иногда, кажется, что они почти достигли своей цели. Происходит отчетливая ссылка на битву в строю, в то время как кровавое насилие упоминается более одного раза, как в линии или в стычке. Из преобладания благодарственного тона мы заключаем, что заратустрийцы одержали верх в течение гатского периода, но, хотя результат мог быть гарантированным, борьба во время последней гаты никоим образом не была окончена. В последней «Гате», как и в самой ранней, мы видим признаки ожесточенного и кровавого конфликта. Тот же самый тип существования преобладал гораздо позже, во времена «Ястов», но картина, кажется совершенно иной, и человеческие черты Заратустры совершенно теряются в мифических атрибутах, которыми в изобилии снабдили его время и суеверие. Таким образом, резюмируя основные характеристики его первоначальной системы, мы можем сказать, что он и его товарищи боролись за установление царства под верховной властью Бога, чьей первой заботой было облегчение страданий и приют честных и трудолюбивых бедных людей.

(Практическое действие этого основного принципа, кажется, время от времени было полезным в замечательной, если не беспрецедентной степени. При Сасанидах низшие классы пользовались большой защитой. Вспомним также необычайное обращение с бедняками во время засухи и голода при Перозе).

Это царство должно было управляться в соответствии

с Его святым Порядком, или планом спасения, чтобы оно было пронизано живым благочестием и с конечной целью даровать как Благо, так и Бессмертие. Этот высокий идеал также не был оставлен в качестве абстрактного принципа, чтобы действовать по-своему. Общество было слишком рудиментарным, как всегда, для эффективного выживания неподдерживаемых принципов. По-видимому, существовала компактная иерархическая система, сакраментальным объектом которой был огонь, перед которым с непоколебимым рвением совершало служение жречество; но следы этого очень ограничены в «Гатах», и, по всей вероятности, в их период это было гораздо менее разработано, чем позже. Такова, в очень кратком изложении, система, которая встречается нам как зороастризм в тот период поклонения Мазде, когда Заратустра жил и сочинял гатские гимны. Что касается дальнейшего вопроса: «Кем был Заратустра, когда и где он жил?» разнообразие мнений по-прежнему преобладает, настолько, что в этом отношении я немного отличаюсь даже от своего выдающегося друга и предшественника. Поскольку такие разногласия по поводу «Авесты», однако, являются само собой разумеющимися, я свободно излагаю свои впечатления. Кем же был тогда человек, если вообще был человек, соответствующий имени Заратустры в Гатах? Существовал ли он и действительно ли он был автором этих древних гимнов? Что он существовал как историческая личность, я уже утверждал; а что касается гимнов, приписываемых ему и его

ближайшим соратникам, то я также не сомневаюсь. Части этих произведений, возможно, были вставлены, но «Гаты» в целом демонстрируют великое единство, и вставки сделаны в духе оригинала. И что Заратустра был именем личности, в которой сосредоточено это единство, у нас нет достаточных оснований оспаривать. Имя упоминается в самых священных связях, а также в тех, которые изображают действительность страданий пророка; и нет никакой причины, по которой он должен был бы полюбить человечеству, если бы он не принадлежал тому, кто в присутствии суверена и царства мог запечатлеть свою личность с гораздо более яркой отчетливостью на своих современников, чем тот или иной суверен или кто-либо из его приверженцев. Совершенно исключено, что в «Гатах» присутствует какая-либо подделка, любое желание подsunуть доктрины священному сообществу от имени великого пророка, как в «Вендидаде» и более поздней «Яснее». «Гаты» подлинны в своей массе, в чем, я думаю, сейчас не сомневается ни один ученый. Что касается характеристик этого великого учителя, я имею в виду сами гимны, которые в литературе стоят особняком в своем роде. Насколько нам известно, нигде в их период не было человеческого голоса, который изрекал бы такие мысли. Теперь некоторые из них являются великими общими местами философской религии, но до того о них никто не слышал (agusta). И все же мы должны сказать о Заратустре, как и обо всех наших первых вестниках, что, хотя он

предшествует всем, чьи записи дошли до нас, он, вероятно, был лишь последним видимым звеном в далеко вытянутой цепи. Его система, как и система его предшественников и последователей, была развитием. Его основные концепции были высказаны, хотя и не озвучены ранее. Его мир созрел для них, и когда он появился, ему оставалось только произнести и развить их. Я бы не назвал его реформатором; он не отвергает своих предшественников. Старые арийские боги уходят на покой перед духовным Ахурой; но я не думаю, что он специально намеревался дискредитировать их. На мгновение упоминается один из низших, но великое Благоволение, Порядок и Могущество вместе с их результатами в человеческом субъекте, Благочестие Ахуры, воплощенное в людях, и их Благо и Бессмертие, как следствие, вытесняют все другие мысли. Его умственная проницательность так же очевидна из его системы, как и его глубокое нравственное вдохновение. Что же касается его второстепенных характеристик, его образа мыслей и выражения, то мы находим их в высшей степени своеобразными. Он дал нам сочинения, в которых каждый слог кажется нагруженным мыслью, иногда часто повторяющимся и для нас в наши дни очень знакомым; но тогда, когда он писал, можно было бы предположить, что он намеревался «произнести свою темную речь». Краткость доведена до беспрецедентной крайности, в то время как чудесная идея о том, что атрибуты Бога являются Его вестниками, посланными в человеческую душу, чтобы облагородить

и испустить, делает его временами настолько тонким, что новейшие ученые не могут сказать, имеет ли он в виду Ашу и Воху олицетворение Манаха. как архангелов, или как мысли и благотворные намерения Божества, воспроизведенные в людях. (Я считаю крайне неудачным, что зендисты ищут в Гатах легкое и естественное выражение, а также выражение обыденных деталей. Только в страстном высказывании их стиль становится простым). Я не могу припомнить ни одного отрывка, в котором Воху Манах, Аша, Кхшатра и т. д. не чувствовалось бы, что они означают именно то, что они обозначают как слова, и в то же время им молятся и просят прийти, как богам или ангелам. Либо это олицетворение чисто поэтическое, что сделало бы его, как это обнаруживается в «Гатах», учитывая их возраст и место, весьма замечательным явлением, либо же, догматически олицетворив божественные атрибуты, Заратустра никогда не забывает выразить почтение, которое выше, чем «уважение к людям», уважение к принципам, которые они представляют. Однако, делая каждое хвалебное утверждение, я принимаю как должное то, что, как я опасаясь, далеко не всегда признано, а именно то, что читатель хорошо взвесит, в чем заключается вся разница, а именно в очень отдаленном периоде, в который мы обязаны, чтобы поместить «Гаты» и сравнительно грубую цивилизацию, среди которой мы должны предположить, что они были составлены. Мы должны поместить лежащие перед нами идеи в эти рамки времени и места. Если

мы этого не сделаем, то, разумеется, мысли и их выражение не будут содержать для нас ничего нового; но с точки зрения отношения, после долгого взвешивания вопроса, я не могу ссылаться на них в каких-либо других терминах, кроме тех, которые я использую, не осознавая, что из-за страха перед преувеличением я отшатываюсь от высказывания того, что я считаю истиной.

Что касается личного чувства Заратустры, то мы можем только сказать, что оно было преданным. Его слово «zarazdâiti» дает ключ к его целям. Мы уверены, что он был мужественным человеком; но и то, что он не был щепетилен в пролитии крови, также очевидно: он не останавливался перед несчастьем, но все же обладал редкой настойчивостью, чтобы преодолеть его. Его сфера не была ограничена. Его интересуют как провинции, так и деревни, армии и отдельные лица. Его кругом были правящий князь и выдающиеся вожди, несколько одаренных людей, глубоко проникнутых религиозным благоговением перед священными композициями, дошедшими до них из первобытной древности в древних размерах; и они, вместе с исключительно чистым священством, ведущими на трезвенное население, были и его публикой. Но в нем появляются три порядка: царь, народ и пэры. То, что времена были беспокойные, касается того, что уже было сказано. Следует упомянуть только об одной особенности, а именно о том, что волнения касались пребывания на престоле. У Вистаспы не было легкого места, и перед

ним постоянно стояла перспектива революции в смысле вытеснения. Что касается семейной жизни Заратустры, то мы можем только сказать, что он внушал уважение; больше ничего неизвестно. Из приведенного выше наброска видно, что я провожу самое широкое различие между гатским периодом и периодом позднее. Я так и делаю, не слишком под влиянием того факта, что «Гаты» цитируются в более поздней «Авесте». Большинство этих цитат действительно подлинны и действительны как доказательства приоритета, в то время как другие являются простыми заменами «Гат», сделанными для литургических целей, как «Бытие» иногда читается в церквях после отрывков из более поздних материалов. Но книга может быть процитирована другой, если она просто предшествует ей и ненамного старше. Я также не придаю слишком большого значения разнице между гатским диалектом и так называемым зендом; но я очень сильно подчеркиваю совершенно разную атмосферу этих двух частей. В «Гатах» все трезво и реально. Душа Коровы действительно поэтически описывается как воющая вслух, а Божество со Своими Бессмертными сообщается как говорящее, слышащее и видящее; но с этими риторическими исключениями все, что занимает внимание, в высшей степени практично. «Грехма» и «Бендва», «Карпаны», «Кави» и «Усиги (-ки)» не являются мифическими монстрами. Никакой дракон не угрожает поселениям, и никакие сказочные существа не защищают их. Заратустра, Гамаспа, Фрашаостра и Майдхьома;

Спитамы, Хвогвас, Хаекат-аспас так же реальны и упоминаются с такой же простотой, как бессознательные, как и любые персонажи в истории. Кроме вдохновения, чудес тоже не бывает. Все действие состоит из усилий и страстей живых и страдающих людей. Пусть зендист хорошо изучит «Гаты», а затем пусть он обратится к «Ястам» или «Вендидаду»; он перейдет из страны реальности в страну басни. Он оставляет в одном трудящегося пророка, чтобы встретить в другом фантастического полубога.

Какими бы древними ни были основные идеи мифов о ястах и вендидадах (а некоторые из них определенно были древнее гатх или древнейших риков) в тех формах, в которых они представлены сейчас, они значительно позже. По мере того, как мы углубляемся в дальнейшие и необходимые подробности, здесь, кажется, уместно сказать об относительном возрасте нескольких разделов, составляющих эти гимны. В некоторых из них мы видим борьбу и страдание, страх и гнев и, естественно, объединяем их вместе, как сочиненные на определенном этапе жизненного пути Заратустры. Мы читаем выражения счастливой уверенности и относим их период покоя, как и те разделы, где преобладают размышления, размышления или догматические утверждения; но нет ничего определенного, кроме того, что «Ясна» 53 должна была быть написана после того, как Заратустра достиг достаточного возраста, чтобы иметь дочь на выданье. Древний лидер мог достичь влиятельного положения благо-

даря доктринальным произведениям, а затем выразить превратности активной политической карьеры. Следует, однако, иметь в виду одно обстоятельство; а именно, что ни «Гаты», ни какие-либо другие древние сочинения, которые едва ли были вначале записаны, не сохранились в том виде, в котором они были доставлены в первый раз. Сам поэт раскладывал их в лучшем (?) порядке при каждом последующем произнесении, и стихи, которые первоначально относились к одному периоду времени, если они особенно бросались в глаза, воспроизводились в последующих излияниях. И произведения, которые автор мог оставить в неизменном виде, его ранние последователи, вероятно, модифицировали вставками, отрывками или инверсиями. Я полагаю, что «Гаты» обнаруживают присутствие меньшего количества постороннего материала, чем обычно, и что вставки, которые в них присутствуют, сами по себе очень древние или даже практически синхронные с оригиналом. Конечно, лишь немногие из них проявляют что-то вроде искусной попытки подражания. Если существуют какие-либо вставки, а мы можем «a priori» сказать, что все существующие сочинения древности являются и должны были быть с вставками, то дополнения были делом первых учеников автора, сочинявших полностью в его духе, тогда как положение разделов в той или иной «Гате» мало или вообще не имеют ничего общего с вопросом об их относительном возрасте, поскольку все размеры были древними, а «Уставайти», «Спента-маиню» и т. д. демон-

стрировали такое же неопровержимое свидетельство оригинальности, как и любые части «Ахунавати».

Когда мы переходим от вопроса об относительном возрасте отдельных частей по сравнению друг с другом к возрасту их, рассматриваемого в целом, мы прежде всего встречаемся с вопросом о месте. Были ли «Гаты» впервые исполнены на Востоке или на Западе Ирана? Я хотел бы здесь сказать, что считаю этот пункт особенно открытым, так как я даже склонен расходиться в одной особенности с моим выдающимся другом Профессором Дарместетером, но пусть это будет понято только или главным образом относительно места происхождения «Гат». Я думаю, что ареной гатского и первоначального заратустризма был северо-восток Ирана, и что более поздняя «Авеста» была составлена в течение сотен лет, в течение которых зороастрийские племена мигрировали на запад в Мидию. Одним из определенных фактов является появление географических названий в «Вендидаде I», которые, очевидно, предназначены для описания самых ранних домов иранских рас, чьим знанием была «Авеста». Нынешние формы этих имен, как они появляются в «Авесте», действительно не самые древние, но они встречаются в отрывках, которые явно повторяют очень древние мифы. Эти названия описывают область от середины северного Ирана к востоку от него, включая древнюю Бактрию, но простирающуюся на запад до Раги; и, поскольку «Гаты» единогласно признаны древнейшей частью «Авесты», говоря о За-

ратустре как исторической личности, мы, естественно, ищем сцену его жизни в самых древних местах. Заратустрийская Рагха, расположенная гораздо дальше на запад, чем другие упомянутые места, по-видимому, имеет особое право считаться местом своего рождения, так как она так крепко держится за его имя, но эпитет Заратустрийский вместе с особым статусом Раги как не нуждающегося в «Заратустре» над собой, то есть в императорском вожде, могут быть отнесены к преемникам Заратустры. По какой-то причине, вероятно, из-за миграции зороастрийского влияния на Запад, Рагха стал оплотом его потомков; или его имя, совершенно независимо от всех семейных связей, могло стать титулом для ведущих политико-церковных чиновников (Zarathustrôtëma). В «Гатах» нет упоминания об иностранном происхождении Заратустры, и нет ни одного выражения, из которого мы могли бы заключить это. Его семья кажется такой же оседлой, как и он сам. Спитамы упоминаются с той же фамильярностью, что и Хвогвы, и некоторые из названных лиц являются его родственниками. Он не был изолированной фигурой среди людей, на которых он влиял. Если тогда мы не сможем поместить Вистаспу и Гамаспу, Фрашаостру и Майдхьому в Рагху, мы не сможем поместить туда Заратустру,

ибо он должен быть помещен рядом с ними. Предание позднего и сомнительного характера помещает Вистаспу в Бактрию; но лучше оставить точную область нерешенной, так как уверенность никогда не может быть достигнута. Дру-

гие обстоятельства, которые для многих необходимы для принятия решения о Востоке как об области, где трудился Заратустра, были, может быть, с величайшей силой и красотой изложены Дарместетером, который все еще склоняется к Западу.

Таковы сильные аналогии, существующие между языком зенд и ведическим санскритом, с одной стороны, и между богами, героями и мифами «Авесты» и «Веды», с другой. Однако в пользу западного происхождения гатского языка, как и позднейшей «Авесты», мы должны признать, что западно-иранский язык клинописных надписей обладает теми же аналогиями с ведическим, какими обладает с ним язык «Авесты»; и ни одному читателю не нужно напоминать, что западно-иранский, так же как и восточно-иранский, никоим образом не произошли от ведического. Древний арийский язык, от которого все произошло, когда-то без различия был распространен как на Западе, так и на Востоке, в то время как, с другой стороны, мифологические черты «Авесты», хотя они родственны чертам Восточной Веды, до сих пор воспроизведены для нас, некоторые из них в поэзии средневекового Запада, взятой из «Авесты»; и имя Мазды, неизвестное (?) рикам (но диво-асурасйа ведхасах (медхасах (?))), кажется высеченным в скалах Персеполиса и Бехистуна, в то время как все священные книги зороастрийцев, включая «Гаты», а также более позднюю «Авесту» вместе с их интерпретациями, дошли до нас с запада, где и греки нашли свою

систему со времен Геродота. Вдобавок к этому мы должны признать, что различия в диалектах между «Авестой» и «Ведой» делают большое различие относительно места далеко не поразительным, в то время как мифы, как и религии, мигрируют как по закону. Поэтому мы должны хорошенько подумать, прежде чем осмелимся расходиться с теми, кто выбирает Запад как сцену жизни Заратустры.

Но, говоря о надписях, мы должны провести очень осторожное различие. Является ли их богословие богословием Заратустры? Если это так, то это, безусловно, составляет точку в сочетании с описаниями греков в пользу еще более широкого распространения зороастризма на Западе в даты, которые охватывают надписи. Что касается этого спорного вопроса, я бы ответил, что их богословие может быть зороастрийским в том смысле, который еще слишком мало применим к этому термину, ибо это может быть гатический зороастризм или, по крайней мере, поклонение Мазде на стадии развития, соответствующей этап поклонения Мазде, на котором он находился, когда его покинул Заратустра; но то, что это был более поздний и полностью развитый заратустризм, снабженный всеми предписаниями «Вендидада», кажется невозможным. Во-первых, в надписях нет определенного упоминания об Ангра-Майнью или Амеша Спента; и это молчание должно быть учтено в любом случае.

(Некоторое облегчение дает упоминание Драоги, но ба-

гахья, вероятно, Митра и Анахита, а не Амеша Спента. Однако, когда мы обращаем внимание на имя Митры, мы должны отметить что, поскольку культ Митры, несомненно, существовал до гатского периода, а в гатский период пришел в упадок, можно сказать, что значительно более поздние надписи представляют поклонение Мазде, существовавшее у предков зороастрийцев в догатический период или даже ведический век. Ангра-Майнью и Амеша также занимают видное место в Гатах)

Делается готовое и справедливое предположение, что документы чрезвычайно ограничены; что многие божества не были бы названы на таком узком месте, в то время как утверждения Геродота и его преемников делают вероятным, что вся система Заратустры была известна в непосредственной близости и должна была быть хорошо знакома лицам, заказавшим вырезать надписи. На это можно было бы сделать необходимое возражение, что знакомство Дария с позднейшим или даже с первоначальным зороастризмом, если он был знаком с ним, делает отсутствие имени Ангра-Майнью, по крайней мере, еще более поразительным. Что может быть более настоящим призывом к использованию этого имени, чем осуждение противников, чье ниспровержение составляет тему могущественных писаний? Поскольку «милость Аурамазды» упоминается, с другой стороны, естественно ожидать упоминания о «оппозиции» Его главного

противника с другой стороны, а также ожидать определенного признания Щедрых Бессмертных. Я думаю, что оба были опущены, потому что их имена сохраняли меньший вес, так как мы не можем предположить, что они были неизвестны или, если когда-то были известны, то забыты. Но, допуская, что не совсем справедливо делать выводы из таких скудных текстов, мы встречаемся с положительным фактом, что важная надпись написана на гробнице; а поскольку погребение мертвых было одним из самых вопиющих нарушений зороастрийского церемониального закона, невозможно представить, чтобы Дарий мог быть зороастрийцем согласно позднейшей Вере. Он был либо еретиком-схизматиком, отступившим от священного завета, либо следовавшим вероучению своих отцов, маздопоклонником, но не «заратустровского порядка», или, если заратустрийцем, то частичным наследником религии Заратустры в неразвитой стадии, хотя погребение ею еще не запрещалось; и в то же время он пренебрегал также выдающимися доктринами «Гат». Невозможно, чтобы он мог быть изолированным раскольников в этом отношении. Если бы он составил надписи как монарх другой религии, чем религия позднейшей «Авесты», это, по-видимому, доказывает, что он либо был приверженцем более грубой, либо наполовину стертой формы гатского зороастризма, которая нашла свой путь в течение долгого времени ее существования на западе. До того, как в западных поселениях возник поздний заратустризм, или что она, религия над-

писей, просто возникла там, где мы ее находим, из первоначального и широко распространенного культа Мазды, который еще не запрещал погребение из мертвых. (И, возможно, она также не запрещала кремацию. Гейгер «Цивилизация восточных иранцев в древние времена» предполагает, что дахмы изначально были местами кремации. Если это верное предположение, то и захоронение, и кремация могли быть разрешены в гатский период, но много позже были запрещены. По крайней мере, первоначальное поклонение Мазде не отшатнулось от кремации, иначе не могла бы возникнуть история о попытке сжечь лидийского Креза. Ранние персы не испытывали отвращения ни к погребению, ни к сожжению. Только развитый заратустрийский магизм мидян подчинился «Вендидаду»).

То, что такое поклонение Мазде когда-то существовало в первоизданном Иране, кажется несомненным, и что оно возникло гораздо раньше, чем зороастризм. (Сравните скифское имя Тамимасадас. Были ли ветви самих скифов в некотором смысле поклоняющимися Мазде, или это имя могло быть заимствовано?)

Также очень вероятно, что какая-то его форма сохранилась в чистом виде благодаря зороастризму. И это так же вероятно априори, когда мы размышляем о том, что могло бы произойти, как и когда мы ищем объяснение захоронения поклонника Мазды в гробнице. Поскольку поклонение Асуре (Ахуре) распространилось в Индию вместе с индийцами,

мигрировавшими из Ирана, в Иране возникла форма поклонения Асуре, которая добавила имя Мазда к первоначальному термину для обозначения Бога. На Востоке она стала приобретать дополнительные особенности, из которых, когда возник Заратустра, он развил свою первоначальную систему, тогда как в других частях Ирана и, с большой вероятностью, в Персии она сохранила свою первоначальную простоту. Только в последующие периоды зороастрийская форма распространилась, сначала на гатической стадии, а затем во второй раз, и из центра дальше на запад, как зороастризм позднейшей Авесты, о котором сообщают греки. Либо Дарий был поклонником Мазды, как и его отцы, следовавшим первоначальному и независимому типу поклонения Мазде, либо он следовал изуродованному Гатскому Заратустризму, который, возможно, еще не запрещал погребение, в то время как массы уступали новшествам, как евреи-патриции придерживались саддукеизма после того, как массы стали фарисеями, и как римляне-патриции цеплялись за язычество после того, как Рим стал католическим. В любом случае мне кажется, что поклонение Мазде надписей может быть отделено от более позднего заратустризма; и что это должно быть так разъединено по той или иной теории, все в один голос, похоже, согласны. Принимая решение о Северо-Востоке как о месте личных трудов Заратустры и о гатском диалекте как о его более специфической форме речи, я, надеюсь, не только или на них чрезмерно повлияло появление

восточных имен в первой главе Вендидада, ибо эти имена могут указывать на первобытные дома, из которых предки Заратустры мигрировали на запад за столетия до его появления. Я просто говорю, что встречаемость имен показывает, что предки зороастрийских поклонников Мазды когда-то жили в Восточном Иране; и если это так, то их потомки, возможно, все еще жили там, когда Заратустра разработал свою систему, и также возможно, что массы заратустрийцев могли еще долго оставаться в горах Восточного Ирана после того, как заратустрийцы позднейшей «Авесты» ушли на запад. Потомок мог возникнуть в доме своих предков, и на самом деле, при прочих равных условиях, вероятность того, что он возник там, выше. Я не думаю, что появление более позднего зороастризма на западе является достаточным основанием для сомнения в том, что основатель системы работал ближе к земле «Вед», где когда-то правил Вистаспа (?), где издавна поклонялись даевам, и где общие имена ирано-индийских богов слышались как нарицательные, и которая мы можем добавить, была именно тем местом, где мы должны предположить, что индо-арии оставили ирано-ариев, когда они спустились в Пенджаб.

Сформировав мнение о месте, где трудился Заратустра, и, приступив к вопросу о том, когда он жил и писал «Гаты», мы оказываемся перед необходимостью составить нашу оценку сначала относительно возраста позднейших ча-

стей «Авесты». В то время как вставленные отрывки или даже целые «Ясты» могут быть очень поздними, я не могу поместить более позднюю «Авесту» в ее основной массе позже, чем клинописные надписи Дария, поскольку надписи сохраняют либо дозаратустрийский маздеизм, либо зороастрийский маздеизм. «Гаты», задолго предшествующие по своему происхождению «Вендидаду», не имеют ничего общего с относительным возрастом самих надписей. Позднейшая «Авеста», с ее запретом на погребение и кремацию, должна была существовать долгое время бок о бок с той религией, которая оставила после себя надгробные памятники, чьи приверженцы могли созерцать сожжение пленников; и аналогичные факты универсальны. Но помимо кажущегося различия в типе поклонения Мазде, которое просто отделяет религию надписей от религии более развитого зороастризма и не имеет, как мы видели, никакого отношения к вопросу об относительных возрастах надписей и более поздней Авесты, я думаю, что мы имеем некоторые признаки более поздней эпохи в языке надписей, помимо их содержания. Однако, поскольку Дарместетер склонен считать, что западно-иранская клинопись, лучше сохранилась, чем Зенд позднейшей «Авесты», я делаю свои некоторые замечания лишь с большими колебаниями. Прекращение, которое в противном случае было бы справедливо сочтено свидетельством вырождения в зенде, я считаю просто неправильным написанием «-ahya» = «Gâthic ahyâ». Письмо явля-

ется пережитком того времени, когда «Авеста» стояла в пехлевийском характере; Я думаю, что здесь просто удлинненное «= уа». Окончания также кажутся сильно искаженными в клинописи, и имя Аурамазда, написанное одним словом, не кажется мне таким уж оригинальным. Мы действительно должны помнить, что более позднее поколение, благодаря изолированному положению, часто сохраняет более старый диалект, как и более старую форму религии, тогда как более раннее поколение, если его предшественники жили компактным обществом в более мелких районах, изменяет диалект, древние формы, по мере того как древнеиндийский развился в санскрит и пракрит. Тем не менее, у нас мало оснований быть уверенными в том, что цивилизация Мидии и Персии была либо более, либо менее сплоченной и социальной, чем Бактрия и Восток. Но помимо приоритета надписей, мы обязаны учитывать время, необходимое для развития. Греки времен Геродота, вероятно, и, несомненно, более поздние, нашли форму зороастризма в полном развитии в Мидии; но если современникам Геродота было известно о зороастризме там, то следует принять во внимание длительный период времени для его развития, если он зародился в Мидии, и еще более длительный период, если он проник туда с Востока. Итак, если большая часть позднейшей «Авесты» существовала во времена Геродота и Дария, то, как давно она должна была быть составлена? У нас есть свидетельства исторической традиции, что волхвы были влиятельны еще

во времена Кира, не останавливаясь на возможности их существования при самом раннем упоминании о мидянах как о завоевателях и правителях Вавилона. (Я считаю волхвов представителями зороастризма «Вендидада». Его пытался ввести ложный Бардия, разрушая храмы, которые допускал старый культ Мазды в Персии). Можем ли мы тогда, принимая во внимание признанный застой древневосточной интеллигенции, приписать развитию мидийского зороастризма более короткий период, чем от одного до трех столетий? Если, таким образом, основная часть более поздней «Авесты» должна быть помещена задолго до надписей Дария, то куда мы поместим более раннюю «Авесту» с ее наиболее важными сохранившимися фрагментами, «Гатами»? (Все в гатском диалекте древнее). После тщательного и подробного изучения «Гат», а также знакомства с ними в целом путем частого прочтения, мы должны измерить время, необходимое для перехода от их тона к тону позднейшей «Авесты». Могло ли это быть меньше столетия или столетий? Разве не потребовалось столько же времени, чтобы Заратустра «Гатов» стал Заратустрой позднейшей «Авесты», сколько потребовалось впоследствии миграции веры с северо-востока, если она действительно зародилась там? Так как, несомненно, есть разница в несколько столетий между датами самой новой и самой старой частей позднейшей «Авесты», поэтому мы должны думать о значительном интервале между самыми древними частями позднейшей «Авесты» и са-

мыми поздними частями древней «Авесты», ибо есть и другое соображение, которое императивно принуждает нас избегать заключения о коротких периодах в стадиях развития. Ведические гимны, исполняемые размерами, очень похожими на таковые в «Гатах» и поздней «Авесте», и называющие богов, демонов и героев столь тесно связанными, не говоря уже о мифах, бросают нам вызов, чтобы сказать, являются ли они древнейшими из них, старше или позже, чем самые старые части «Авесты», и, если существует какая-либо разница в возрасте этих древних произведений, насколько велика эта разница. Установленная древность самых старых риков составляет около 4000 лет; неужели гимны по ту сторону гор так же стары? Размеры этих последних столь же стары, как и размеры «Ригведы», если не старше, а их грамматические формы и структура слов часто положительно ближе к первоначальным арийским, от которых произошли оба. Если бы не два обстоятельства, мы были бы вынуждены очень серьезно задаться вопросом, какие из них старше, и вообще отказаться от упоминания о более поздних датах. Этими обстоятельствами являются отсутствие арийских богов в «Гатах»; и, во-вторых, их абстрактные концепции. Эти последние настолько мало компенсируются ожидаемой ребячливостью, что часто трудно поверить, что «Гаты» вообще стары. Их древность не подлежит сомнению благодаря историческому упоминанию Заратустры. Но если бы Заратустра, несомненно, не был живым человеком в «Гатах», их глубина

и утонченность, вместе с отсутствием Митры, Хаомы и т. д., сами по себе заставили бы нас поместить их довольно поздно. Как бы то ни было, отсутствие Митры и его соратников, вновь появляющихся в более поздней «Авесте», позволяет нам относить «Гаты» значительно позже древнейших «Риков». Ибо ни внезапное и преднамеренное отвержение древних богов, ни религиозный раскол не должны приниматься Хаутом как причина (!) миграции индейцев на юг. Процесс был, конечно, обратным. Мигрирующие племена вследствие их разделения от своих собратьев в Иране, вскоре отделились от них, и их самые любимые боги постепенно впали в забвение, если не в немилость. Нам нужно время, чтобы объяснить это изменение, и не короткий промежуток времени. Следовательно, мы можем поместить «Гаты» намного позже самых старых «Риков». Таким образом, хотя, учитывая установленный возраст «Ригведы», «Гаты», возможно, были составлены уже около 1500 г. до н. э., их также можно отнести к (скажем) 900—1200 г. до н. э., в то время как фрагменты на гатском диалекте должны быть рассмотрены несколько позже. Даты составления нескольких частей позднейшей «Авесты», с другой стороны, должны простирались на многие столетия, так как различных разделов на зендском диалекте намного больше, чем на гатском, сами «Гаты» представляют практически одну дату. Помещая, таким образом, древнейшие части позднейшей «Авесты» несколько раньше Дария, мы вынуждены продлить период, в течение которого

были составлены отдельные ее части, считая неопределенно поздний, возможно, до третьего или четвертого века до Р.Х.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.